

Рецензии

Немецкие мемуары дипломата-голлиста

Claude Martin, "Quand je pense à l'Allemagne, la nuit"; Éditions de l'Aube, Avignon, 2023. ["Когда ночью я думаю о Германии"].

После публикации в 2018 году книги "Дипломатия – это не торжественный ужин", посвящённой в большей мере личному опыту работы с Китаем, французский посол Клод Мартен представил второй том своих воспоминаний "Когда ночью я думаю о Германии". Текст посвящён в основном европейскому процессу с момента его зарождения до последних лет с включением в рассказ некоторых необходимых биографических заметок.

Родившийся в 1944 в городе Пуасси, департаменте Ивелин, недалеко от Парижа, в мелкобуржуазной интеллигентской семье – отец был врачом, католиком и близок к народно-республиканскому движению – Мартен несколько лет ходил в религиозные школы, после учился в государственном лицее, а затем поступил в институт политических исследований и институт восточных языков и культур, где учил китайский и русский языки. После он прошёл конкурс на поступление в национальную школу администрации.

"Герой" де Голль

С подросткового возраста он интересовался политикой, а также другими странами и культурами, в первую очередь китайской и немецкой. Послевоенная Германия стала для него "страной, которую наконец-то можно полюбить", как озаглавлена одна из глав книги.

Став свидетелем переломного периода Четвёртой республики в 1958 году, когда вернулся Шарль де Голль, 14-летний Мартен нашёл своего героя: в сентябре 1958 года он пришёл послушать его на митинге на площади Республики, посвящённом новой Конституции Пятой республики, и говорит, что помнит это до сих пор.

Кроме де Голля его увлекает недавно созданное европейское общество, как идея взаимопроникновения культур европейских народов, с полным уважением к индивидуальности наций.

В этом смысле вскоре наступило разочарование, на фоне того что он считал «бюрократическим» и коммерческим упадком ЕЭС, далёким от реальных перспектив политического союза. Оставаясь под влиянием голлизма, Мартен выступал за конфедеративный союз, который сохранил бы национальный суверенитет в различных областях, и не видел ничего хорошего в навязывании федерализма.

На европейском уровне самым важным событием для него стал Елисейский договор 1963 года, подписанный де Голлем и Конрадом Аденауэром.

Он видел во Франции и Германии две разные, но единые нации – в традиции Карла Великого, писал он, – готовые работать вместе на равных и возглавить тогдашнюю "Группу шести", чтобы по-настоящему объединить Европу. И здесь вскоре последовал провал, когда под давлением Америки и с подачи более атлантистских течений Германии Бундестаг утвердил договор с преамбулой, искажающей его политический смысл и подтверждающей связи Бонна с Атлантическим альянсом.

Рейнские пары

Это стало для Мартена серьёзным ударом, и с тех пор его отношение к Германии всегда будет неоднозначными, колеблющимся между надеждой и разочарованием. В этом можно убедиться, проследив нить его анализа важнейших этапов европейского процесса и различных комбинаций сменявшихся канцлеров Германии и президентов Франции.

После Аденауэра отношения де Голля с Людвигом Эрхардом не сложились – тот был атлантистом и либеристом, – и не было времени налаживать связи с Куртом Георгом Кизингером, настигнутым собственным нацистским прошлым, что в итоге стоило ему поражения на выборах в 1969 году.

Следующими стали Жорж Помпиду и Вилли Брандт: президент не очень любил немцев и смотрел в сторону Лондона, что Мартену не нравилось уже само по себе, поскольку рейнская ось была для него неразрывной. Однако прежде всего Мартен не одобрял канцлера, слишком ориентированного на Восток и Ostpolitik (с подачи своего советника Эгона Бара), слишком мало симпатизировавшего Франции. В конце 1970-х годов Рейнская ось переживала период усталости.

Затем пришли Валери Жискар д'Эстен и Гельмут Шмидт. Канцлер, уроженец Гамбурга, мало что знал о Франции и был связан с Великобританией, но он хорошо понимал французов, поэтому Мартен оценивает его уважительно и позитивно. Этого нельзя сказать о французском президенте, которого дипломат не простил за «предательство Генерала» и который, будучи элитарным патрицием, проявлял, по его словам, зловещие поползновения даже в «монархическом» смысле. При этом Мартен признаёт, что Жискар пошёл по стопам де Голля во внешней политике и вместе со Шмидтом сделал многое для возглавляемого Францией и Германией европейского процесса, значительно расширив число стран-членов ЕЭС (10 в 1981 году). Он также высоко оценивает создание европейского совета, но отмечает его превращение в институциональный орган, который в итоге занимается мелкими деталями, а не диктует генеральную линию.

После Стены

Следующей парой были Франсуа Миттеран и Гельмут Коль. Мартен мало что говорит о «торжественном» Миттеране. Он ехидно хвалит его речь в Бундестаге по случаю 20-летия Елисейского договора (с которым Миттеран был категорически не согласен). И со вкусом рассказывает о миттерановском повороте в 1983 году с отказом от общей программы левых в пользу политики жёсткой экономии, более благоприятной для ЕЭС и, в частности, для немцев. Он пишет, что это было повторение *Journée des dupes* («Дня дураков») 1630 года, когда король Людовик XIII неожиданно отбросил «девиз партии», выступавший против активной внешней политики, и решил продолжить вместе с Ришелье участие в Тридцатилетней войне; только Миттеран отказался от ФКП и выбрал проевропейскую линию Жака Делора.

Складывается впечатление, что Мартен всё же держит дистанцию от фигуры президента, за исключением своей высокой оценки будущего министра иностранных дел Юбера Ведрина, которому приписывал лучшее оформление доктрины голлизма-миттеранизма.

Коль, с другой стороны, не нравился Мартену: он считал, что канцлер сильно выпячивает своё рейнское происхождение, чтобы это было искренним. Это было вступление Германии в эпоху, когда она, возглавляемая жёстким консерватором, утверждала или возвращала своё доминирование на европейской арене. Всё встало на свои места после падения Стены и процесса воссоединения Германии, который Коль и возглавил, воспользовавшись исторической возможностью. Поглощение бывшей ГДР Мартен признаёт наилучшим решением. Но всё происходило без каких-либо консультаций с Францией.

Таким образом, начиная с 1990 года, европейская картина, казалось, ухудшалась: объединённая Германия становилась всё более напористой при любом случае конфронтации, особенно в процессе подготовки к Маастрихтскому договору, который дипломат считал неудачным, и при организации единой валюты, которую Мартен критиковал не столько саму по себе, сколько за Пакт стабильности, сопутствующий ей.

В этом контексте Париж должен был согласиться на уступки, превращаясь в слабую часть оси. И если на короткое время работала тройная система баланса с Великобританией, то политика Маргарет Тэтчер, нечувствительная к ЕЭС, разрушила любое трёхстороннее сотрудничество.

Другим аспектом было расширение ЕЭС (впоследствии ЕС) до двенадцати, а затем (в 1995 году) до пятнадцати членов: число, уже превышающее предел нормального функционирования, которое ещё должно было резко возрасти с учётом кандидатур бывших сателлитов СССР. Они заявили, что рассматривают членство в ЕС только как мост к НАТО, который отдалит их от любого российского поползновения. У них не было никакого представления о Европейском

сообществе, а их ненависть к России скрывала от глаз Мартена тот факт, что эта страна всё же является частью континентальной Европы и что с Москвой необходимо вести диалог.

Настоящий капитал

В 1995 году в Елисейском дворце появился Жак Ширак – наконец-то настоящий голлист. Забыв старые, почти евроскептические декларации конца 1970-х годов, новый президент посвятил себя ЕС. Он стремился к расширению сообщества, в том числе за счёт Турции: вступление новых стран сделало бы политические процессы более обременительными, но при этом уравновесило бы вес северных стран и сдержало бы искушение Германии доминировать.

Ширак три года делил сцену с уходящим Колем, раздражённым ощущением своей близкой отставки. Затем канцлером стал Герхард Шрёдер, выходец из Ганновера, который по тем же геоисторическим причинам смотрел в сторону Лондона и, конкретнее, Даунинг-стрит, где занял свой пост Тони Блэр.

Если первые впечатления французов не были положительными, Мартен объяснил Шираку, что новый канцлер олицетворяет собой более открытую и гедонистическую Германию, сильно отличающуюся от угрюмой и консервативной Германии Коля, даже если он продолжал её линию жёсткой экономии. Он также с интересом наблюдал за новым министром иностранных дел Йошкой Фишером, несмотря на то, что в те годы во Франции бытовало мнение, что международная политика Германии является прерогативой главы Бундесбанка Ханса Титмайера.

В конце тысячелетия европейские проблемы оставались нерешёнными: отношения с Германией так и не стали такими, на которые можно было надеяться после Елисейского договора. Бонн сначала отступил, а затем стал слишком напористым, Франция постепенно уступала позиции, не в последнюю очередь из-за своих монетарных и бюджетных проблем. ЕС насчитывал уже 28 членов, многие из которых были настроены совсем не так, как шесть основателей, а реформы и договоры не слишком улучшили ситуацию. Мартен упоминает о пропорциональных европейских выборах, недостатком которых было раздробление национальных (особенно французских) представителей в ущерб силе, которую они могли бы представлять; консультации, которые, более того, – более или менее повсеместно – выражали скорее национальные, чем европейские избирательные кампании.

На этом фоне в 1999 году Мартен прибыл в Берлин в качестве посла Франции. Он отказался ехать в Бонн, “маленький город”, ему нужен был Берлин, настоящая столица, и его мало волновали широко распространённые опасения, что это будет означать смещение взгляда Германии на Европу на Восток и удаление Парижа от центра ЕС: он не верил в это и считал, что это единственная возможная столица Германии.

КРЕПКИЕ ОРЕШКИ

«Наше внимание было сосредоточено в основном на реформах, которые нам нужно было срочно провести в рамках ЕС. Если бы нам это не удалось, ЕС не выдержал бы шока от расширения. В Германии рассуждали очень просто: очень расширенном и неизбежно очень громоздком Союзе нельзя было двигаться всем в одном темпе. Необходимо было создать в сердце Союза “ядро”. Небольшую группу стран, готовых двигаться быстрее и устанавливать более тесные отношения друг с другом. Два депутата ХДС, Карл Ламерс и Вольфганг Шойбле, разработали концепцию этого “КернЕвропа”.

Идея была соблазнительной. [...] Методы, которые предлагали авторы, были менее привлекательны. Ядро, которое они хотели видеть, состояло не из самых важных стран, а из государств, которые обеспечивали наилучшее управление своими финансами и экономиками. Это не совпадало с нашим видением. Критерий “хорошего управления государственными финансами” мог быть важным для отбора стран, участвующих в общем валютном союзе, но не мог быть релевантным для других областей. В области внешней политики, обороны, безопасности также требовалось “ядро”, но оно должно было состоять из стран, имеющих

средства для действий, обладающих дипломатией, полицией, армией. В этих вопросах нас мало волновало бюджетное положение заинтересованных стран» (стр. 381).

Ноябрь 2023 г.